

фантастическая
история

Цикл

«Лал — камень любви»

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА
НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОЛКОВОДЦЕМ
ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА

Цикл

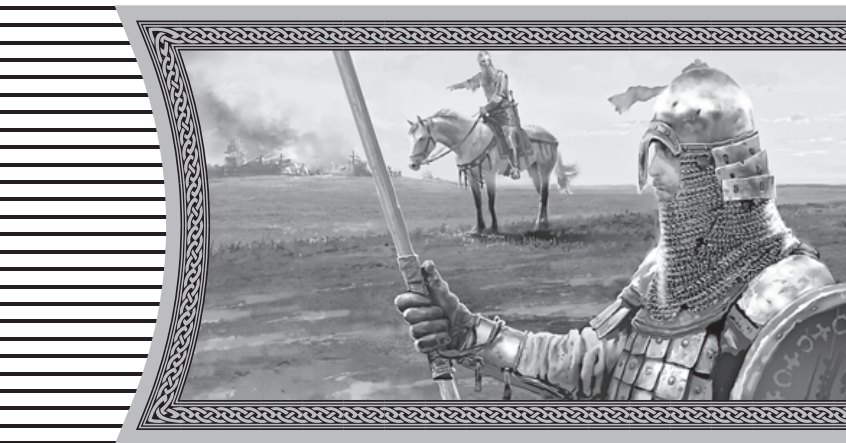
«Эффект стрекозы»

НАЙТИ СЕБЯ
ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО?
ПРАВДИВЫЙ ЛОЖЬЮ
ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ

Цикл

«Обреченный век»

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ
КРЕСТ И ПОСОХ
ОКО МАРЕНЫ

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Валерий Елманов

Ожо Марены

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Е46

Елманов В. И.

Е46 Око Марены: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 475 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1046-0

Много знать — мало спать. Бывшему учителю истории Константину, оказавшемуся в теле удельного рязанского князя, о грядущих событиях известно многое. Например, о том, что всего через пять лет Русь ожидает разгромное поражение от татаро-монгольских полчищ на реке Калка. Избежать его можно, но только путем объединения всех русских сил. Увы, но у князей одна забота — урвать кусок земель у зазевавшегося соседа. Рязань вроде бы слаба, значит, есть пожива. И вот уже идут на его княжество полчища врагов.

Словом, пока что получается все наоборот, и чем дальше — тем хуже. Эх, бросить бы все и вернуться обратно! И вдруг такая возможность появляется.

Вот только как быть с Калкой? Но главное — как быть с Русью...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Елманов В. И., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1046-0

*Светлой памяти моей дорогой мамы Пелагеи Петровны
посвящается эта книга...*

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

Анна Ахматова

ПРОЛОГ

И вмиг обилие заступников нашлось —
Не меньше дюжины их тотчас набралось.
«Мы подсобим», — лукаво обещали,
А сами сразу примеряли,
Что взять с него в оплату за подмогу.
Увы, коли на всех, так выходило понемногу...

Петр Миленин

Всадник торопился. Он так спешил, что подчас даже забывал приложить ко лбу персты, проезжая мимо очередного храма, благо, что во граде Киеве их было преизрядно. Правда, перед Софийским собором он все-таки остановил коня и не только перекрестился, но и, спешившись, заглянул внутрь. Однако пробыл там недолго — ровно столько, чтобы успеть поставить четыре свечи. Первая во здравие батюшки, вторая — за братьев, третья — за себя, а четвертая, чтобы удалось все, что он задумал.

И вновь вперед, к горделиво возвышающемуся детинцу, а в нем — к княжескому терему. Разгоряченный быстрой ездой всадник стремительно спрыгнул с коня и легко, будто и не было за плечами нескольких десятков верст утомительного галопа, взлетел по ступенькам на высокое крыльцо. Так же стремительно он ворвался в просторную горницу, где о чем-то негромко беседовал с двумя вислоусыми старыми во-яками седой грузный мужчина. На его голове красовался

неширокий золотой обруч с изысканным орнаментом. Поверх простой и длинной белой рубахи на мужчине была теплая лисья шуба, в которую тот зябко кутался.

— Теплынь на дворе, батюшка, а ты в шубе, — улыбнулся всадник и склонился в почтительном поклоне. — Здрав буди, великий киевский князь.

— И тебе поздорову, любезный сыне Андрей, — кивнул тот. — А что до шубы, то ты поначалу до годков моих доживи, тогда и уразумеешь, что в бабье лето тепло токмо молодые чувят, а нам, старикам... — Не договорив, мужчина сокрушенно вздохнул и кивнул своим собеседникам, отпуская их. — Об остатнем опосля потолкуем.

Оба сразу же послушно встали и, поклонившись на прощание, вышли из горницы.

— Никак ты, отче, дружине своей смотр решил учинить, коли тысяцкого в свой терем зазвал? — еще шире заулыбался вошедший и заметил: — Давно пора настала. Особливо сейчас. Негоже, когда у воев великого киевского князя Мстислава Романовича мечи ржа точит.

— Ты один, Андрей? — устало осведомился мужчина.

— Пока один, — последовал ответ сына. — Но гонцов к братьям я уже отправил, так что должны к вечеру приехать.

— Ну что ж, потрапезничаем келейно, чтоб никто помехой не был, — согласился Мстислав Романович. — Давненько меня все четыре сына разом не навещали. То вам девки красные мешали, то охота знатная...

— Ныне у меня другая охота в думках, батюшка, — нетерпеливо перебил его Андрей. — Вопросить хотел. Тебя, часом, не извещала сестрица наша Агафья¹, что ныне на Рязани творится?

— Да ты и сам не хуже меня ведаешь, — спокойно ответил киевский князь. — Мыслю, она и тебе обо всем отписала.

— Отписала, — согласился Андрей. — Потому я и прилетел к тебе со всех ног. О таком братоубийстве на Руси со времен Святополка Окаянного² не слыхивали. Нешто можно

¹ Дочь великого киевского князя Агафья была замужем за великим владими́ро-суздальским князем Константином Всеволодовичем. (См. также «Для ясности, или Княжеский глоссарий» в конце книги.) — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Святополк I Окаянный (980 — ок. 1019) — Великий князь Киевский (1015 — 1018, 1019). «Прославился» в истории убийством своих братьев Бориса, Глеба и Святослава.

стерпеть оное? — И он, резко сменив тон, умоляюще добавил: — Ты ж старейший князь, так вразуми татя, кой по костям родни на рязанский стол залез.

— Ишь ты... — протянул Мстислав Романович, с легкой усмешкой глядя на сына. — Ну-ка, ну-ка. — И он властно указал Андрею на одну из лавок.

Дождавшись, пока тот усядется, киевский князь неспешно поднялся и, покряхтывая, грузно прошелся взад-вперед по горнице. Дошчатые светлые полы, до восковой желтизны отскобленные дворовыми девками, солидно поскрипывали под тяжелыми шагами хозяина Киева. Пройдясь в задумчивости пару раз мимо сына, он бросил взгляд на узенькое слюдяное оконце, сквозь которое ярко светило солнце, и уселся к нему спиной, дабы вобрать идущее через него тепло.

— Мне еще помимо Агафьи и сам рязанский князь Константин грамотку отписал, — наконец сообщил он. — А в ней он во всем свово братца Глеба винит. Мол, тот все учинил. Сказывает, что и сам еле-еле утек из-под Исад, да опосля еще в темнице у брата Глеба томился, да господь¹ подсобил, вызволил из узилища, а брата Глеба, яко убийцу родичей, за его великие грехи всевышний живым прибрал на небо, чтоб тот ответ ему дал за все свои злодеяния.

— Ишь ты! — возмутился Андрей. — Значит, на волка поклеп, а кобылу зайцы съели?! Да неужто ты ему поверил?

— Чай, из ума еще не выжил, — сердито отрезал князь. — Толково писано, что и говорить, токмо и мы не дурни. Его послухать, так он ненароком в подклеть попал, да невзначай охапку нагреб.

— Ну слава богу, — облегченно вздохнул Андрей.

— Вот токмо и ты напрасно на дыбки взвился, будто жеребец необъезженный из табуна половецкого, — строго заметил Мстислав Романович. — Думаешь, не ведаю я, почто ты так яро жаждешь божий суд над убивцем сотворити? Ан нет, милый, все я ведаю. Молчи, — остановил он порывавшегося что-то сказать сына. — Я пока еще не токмо великий князь, но допрежь всего отец твой. Да и пожил изрядно, повидал

¹ Здесь и далее, чтобы соблюсти равноправие и справедливость — ведь не пишем же мы Бог Сварог, Бог Перун, Богиня Мокошь и т.д., к словам бог, господь, всевышний, богородица, аллах и т.д. автор применил правила прежнего советского правописания.

много, а потому зрю — ратиться с Константином ты возжелал не справедливости ради, но рязанского княжения алкая.

Андрей потупился, лихорадочно прикидывая, сознаваться или нет в своих тайных помыслах, и после недолгого размышления пришел к выводу ничего не утаивать. Уж слишком уверенным был тон отца, так что лучше признаться самому. К тому ж ничего плохого в этом нет — не оставлять же княжество бесхозным после того, как удастся скovyрнуть оттуда Константина. О том он и поведал Мстиславу Романовичу.

— А ты не запамятовал, часом, что у убиенных князей еще сыны остались? Их куда денешь? — осведомился отец.

— О них уже Константин озаботился, — хмыкнул Андрей. — Он же сразу, еще под Исадами будучи, людишек своих повсюду разослал: и в Пронск, и в Михайлов, и в прочие грады. Нет уже княжичей. Кончились они, а вернее молвить, подсобил Константин их душам на тот свет перебраться.

— Кончились, да не все, — возразил Мстислав Романович. — У убиенного Ингваря и вовсе потомство целехонько вкyпе со старшим, Ингварем Ингваревичем, коему уже осьмнадцатый годок идет.

Андрей помрачнел. Ингваря он как-то в расчет не брал, да и его братьев тоже. Княжич почесал затылок, но ничего путного в голову не приходило, и он обиженно протянул:

— Ему осьмнадцатый, а он уже на Переяславле сидит. Да ежели Константина спихнет с рязанского стола, то и вовсе княжество целиком охапит. А тут... — Он, не договорив, тяжело вздохнул.

— И еще об одном ты подзабыл, — напомнил сыну отец и, ехидно прищурившись, поинтересовался: — А как ты тому же Ингварю подсобить замыслил? Насколько мне ведомо, помочи он вроде у меня не просил, а уж у тебя тем паче.

— А мы без просьбы, сами придем, — оживился Андрей и с надеждой уставился на отца — неужто даст «добро» на сбор ратей?

— Негоже то, — мотнул головой Мстислав Романович. — А ежели поразмыслить как следует, то и вовсе никуда не годится. Ну собрали мы дружину. Как на Рязань ее вести? По прямой, через черниговцев, что рязанцам родичами доводят-

ся? Они того не допустят. А там далее сызнова преграда — земли Новгород-Северского княжества раскинулись.

— А матушка твоя, Мария Святославна? — встрепенулся Андрей. — Она ж из тех земель.

Киевский князь иронично хмыкнул и пояснил:

— Да Изяслав Владимирович, кой ныне в Новгороде-Северском княжит, свою двухродную¹ бабу и в глаза-то не видывал. Да и сам ты, поди, ее не упомнишь. Сколь тебе было лет-то, когда ее не стало, три али четыре? Погоди-погоди, когда ж она богу душу отдала?.. — потер Мстислав Романович переносицу.

Андрей хмуро посмотрел на отца, морщившего лоб в тщетной попытке припомнить точную дату смерти своей матери. Его самого куда сильнее волновал вопрос, как попасть на рязанские рубежи, над которым он лихорадочно ломал голову. Придя к выводу, что батюшка прав, а если не идти по прямой, тогда остается еще одна дорога, он осторожно побеспокоил князя, выводя того из раздумий, и робко предложил:

— Тогда в обход. По Днепру на восход, чрез Смоленское княжество, а там вниз и напрямиком...

— К Ярославу Всеволодовичу, — подхватил отец. — А ежели и он не дозволит чрез свои земли идти, тогда как? Возвертаться да сызнова по Днепру спускаться ажно до Лукоморья², а опосля по Дону вверх?

— Пусть так. Чай, половцы нам помехой не будут, — согласился Андрей и неуверенно покосился на отца, уже чувствуя очередной подвох, который не замедлил последовать.

— А ты не забыл, что Лукоморье — вотчина хана Данилы Кобяковича, а тот в шурьях у Константина Рязанского? — лениво осведомился киевский князь и подвел итог: — Нет, сыне.

— Не пройдем? — сокрушенно спросил Андрей и уныло опустил голову.

— Не в том дело. Мы просто не пойдем, — пояснил Мстислав Романович и сожалеюще посмотрел на сына, но столь же твердо продолжил: — Ведаю я, что третий десяток тебе давно

¹ Двухродный означает двоюродный, соответственно трехродный — троюродный.

² В то время Лукоморьем называли низовья Днепра, то есть нынешние Таврические степи.

идет, а окромя имени гордого — княжич киевский — за душой ничего боле нет. И у старших твоих братьев тако же, кого из них ни возьми. Все я ведаю. А токмо нельзя нам так. Али забыл ты давний уговор всех князей: «Кажный да сидит в отчине своей»?¹ А ить Рязань под Мономами² никогда не ходила — завсегда за Святославичами² была. Стало быть, свара начнется, а я ее не желаю.

— Да почему свара? — запальчиво возразил Андрей. — Коль на то пошло, то можно и вместих с черниговцами да с новгород-северцами идти, а опосля поделимся.

— Поделимся... А делить-то как собрался? — полюбопытствовал киевский князь. — Неужто мыслишь, будто опосля того, яко мы подсобим Ингварю верх над Константином взять, сей княжич токмо своим Переяславлем удовольится? Да еще черниговцы с новгород-северцами долю свою затребуют. Али сам, по своему разумению сей пирог на ломти нарезать примешься? Кошкам по ложкам, собакам по крошкам, а нам, любым, по лепешкам. Ох, чую, сызнава уйма обиженных эдакой дележкой сыщется. К тому же, пока мы полки собирать учнем, да пока до Рязани стольной доберемся, Ингварь-младший и сам, поди, за отца своего отмстит.

— А ежели силенок не хватит? Ну как не возможет он злодея одолеть? Тогда что? — попытался возразить Андрей. Очень уж ему не хотелось расставаться с заманчивой идеей обрести пусть и небольшое, но свое собственное княжество.

— Тогда он помощи попросит, — пожал плечами киевский князь, но сразу же, покосившись на оживившегося сына, безжалостно уточнил: — У соседей.

Андрей нахмурился, понимая, куда клонит его отец, а тот, желая окончательно расставить все точки над «і», продолжил:

— Тем же черниговцам челом ударит али владимирским князям в ноги поклонится. К кому придет, тому и резон идти на Рязань.

¹ Итог Любечского съезда русских князей, состоявшегося в 1097 г.

² М о н о м а ш и ч и — потомки Владимира Мономаха. В то время под их рукой были княжества Смоленское, Владимиро-Волыньское, Переяславское (южное), Владимиро-Суздальское и великое княжество Киевское. Святославичи — потомки второго сына Ярослава Мудрого, Святослава. Владели княжествами Рязанским, Муромским, Черниговским и отделившимся от него Новгород-Северским.

— Так владимирцы те же Мономашичи, что и мы, — возмутился Андрей. — Выходит, им можно, а нам нельзя?

— Те, да не те. У детишек Ингваря-старшего, кои в Переяславле сидят, родная прабабка Аграфена Ростиславна¹ двухродной сестрицей доводится всем Всеволодовичам. Стало быть, родичам малолетним им сам бог повелел подсобить.

— Погоди-погоди, — насторожился Андрей. — Ежели она их двухродная сестрица, стало быть, и нам тоже сродни. — И он пытливо уставился на отца.

— Ну сродни, — нехотя признал тот. — Да родство-то уж больно дальнее — трехродный братанич² я ее.

— Тогда выходит... — обрадованно улыбнулся Андрей.

— Ничего не выходит, — сердито перебил сына Мстислав Романович. — Ежели такую дальнюю считать... Да ты сам помысли, кто ты тому же Ингварю?

Андрей помыслил и приуныл. Получалось, вроде как стрый³, только пятиродный. Такое и впрямь никуда не годилось.

— К тому же у них и куда ближе родич имеется — Мстислав Удатный, кой покойному Ингварю, да и всем прочим убиенным под Исадами князьям через мать свою двухродным братцем приходится⁴, — на всякий случай добавил отец.

— А мы как же?! Ведь старейший стол у нас!

— А ты не забыл, кто нас на стол этот подсаживал?! — рявкнул киевский князь. — Должен в памяти держать — всего-то три года и минуло с тех пор⁵. Коли не Удатный, доселе сидели бы мы в Смоленске. Да и Всеволодово наследство, за кое свара у братьев была, тоже Мстислав Удатный переделил. Так

¹ Жена Глеба Ростиславича, прадеда юного Ингваря, Аграфена, была родной племянницей Всеволода Большое Гнездо, то есть приходилась двоюродной сестрой всем его детям — Константину, Юрию, Ярославу и прочим.

² В те времена на Руси племянников именовали братанич или братанична (дети брата) и сестрич или сестрична (дети сестры). Племянников мужского пола называли также сыновцами.

³ Стрый — дядя, брат отца.

⁴ Новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный был сыном дочери Глеба Ростиславича Рязанского, то есть приходился двоюродным братом всем рязанским князьям — как погибшим под Исадами, так и Константину с Глебом.

⁵ В 1214 г. Мстислав Удатный, собрав под свою руку новгородцев и смолян (последних возглавлял Мстислав Романович Старый), повоевал черниговского князя Всеволода Чермного, сидевшего в Киеве, разбил его дружины и посадил князем в Киеве своего союзника Мстислава Романовича.

что поглядим, как он на все это откликнется, а покамест обождем. — И он, смягчив тон, почти просительно произнес: — Пойми, сыне, не с руки нам ноне туда встречать. Сам, поди, ведаешь, что у меня одно название и осталось гордое — Великий князь Киевский. На деле же взять — кто меня ныне слушаться станет? Да и великий ноне не я один, — грустно усмехнулся он. — Того же Всеволода Юрьича усопшего сколь лет при жизни так величали, а ежели призадуматься, то и по делу! — вздохнул Мстислав Романович.

Говорить все это вслух, да еще родному сыну, было неприятно, но надо. Хотя будь в горнице еще кто-то, киевский князь такого ни за что бы не произнес — кому приятно сознаваться в собственной слабости. Но кроме Андрея, в ней никого не было, поэтому он и выдал все как есть, напрямую. Выдал и с грустью посмотрел на понурое лицо самого младшего из своих сыновей.

Андрея было жалко. Впрочем, не так, ибо жалко ему было всех четырех сыновей, ни один из которых до сих пор не имел своего удела, но Андрея особенно — как-никак самый младшенький, последыш. Вона какой вымахал, а все в княжичах ходит, хотя этой зимой уже двадцать пять годков исполнилось. А уж про старших и вовсе говорить нечего. Разве лишь первенца Святослава удастся посадить на княжение в Великом Новгороде, да и то если Мстислав Удатный сызнова свой взор к Галичу повернет да перед уходом словцо за двухродного сыновца замолвит, а с остальными и вовсе худо.

Чего греха таить, Рязанское княжество и впрямь было бы неплохим выходом, но и то, что предлагал Андрей, не лезло ни в какие ворота. К тому же пока многое было неясно — сколько сил у младшего Ингваря, решится ли он вообще на войну со своим двухродным стрьем. А главное — будет ли просить помощи у соседей? А если будет, то у каких?

По всему выходило, что у владимирцев, поскольку с черниговцами его сближало лишь наличие общего пращура Святослава Ярославича, вот и все, а кроме того, уж больно много там ныне скопилось безудельных княжат или сидящих на таком крохотном уделе, что только смех. Следовательно, обратиться Ингварь к ним, — не миновать делиться. И хорошо делиться.

У владимирцев иное. У них своей земли в избытке. А вот

захотят ли они подсобить меньшому Ингварю? Зять его, Константин Всеволодович, ныне и носа не высовывает из своего любимого Ростова, опять же хворает шибко, как ему дочь писала. Да и миролюбив он — не только сам не пойдет, а и прочим может воспретить, хотя тут как сказать... Юрий своего старшего брата скорее всего послушается, а вот Ярослав... Этот горяч, может и на запрет наплевать.

Словом, вопросов имелось много, пожалуй, слишком много, а вот ответов на них — ни одного, так что рассуждать обо всем этом можно хоть до бесконечности — все равно без толку. И Мстислав Романович еще раз протяжно вздохнул, тем не менее подтвердив свое окончательное решение, которое в последние годы все чаще и чаще срывалось с его губ:

— Обождем малость. Тут горячку пороть — себе дороже выйдет, а посему отложи эти блины до другого дни. — И как бы в свое оправдание он еще раз напомнил сыну: — Вон, все помалкивают — и черниговцы, и владимирцы. Выжидают. И нам тако же надобно...

— И сколь ждять? — грустно спросил Андрей.

— Сколь? — Мстислав Романович задумался, но ненадолго, почти сразу отыскав единственно правильный ответ. — Так ведь я уже тебе поведал — пока Мстислав Удатный свое слово не огласил. Нынче, как ни крути, все от него зависит.

— Понятно. — Андрей поднялся с лавки и обреченно вздохнул. — Вот тебе, сынок, кукиш, чего хотишь, того и купишь.

Мстислав Романович в ответ развел руками:

— Жизнь, она такая. Не все в ней сбывается, чего желается.

Киевский князь, как умудренный опытом человек — как-никак разменял седьмой десяток, — говорил разумно, взвешенно и толково. Все в его словах было правдой, кроме одного — и в Черниговском, и в Новгород-Северском, и во Владимиро-Суздальском княжествах все было далеко не так тихо, как ему казалось. И там вот уже который день судили и рядили — как быть дальше.

На письмо рязанского князя Константина Владимировича внимания особо не обращали. Да, написано вроде бы поттолковее, нежели полученное месяцем ранее от Глеба, но разве в том дело, кто из них прав, а кто виноват? Речь о другом —

пользуясь удобным поводом, стоит ли им идти на Рязань или не стоит.

Черниговцы из числа молодых безудельных княжат основной упор делали на то, что все они, равно как и рязанцы, такие же Святославичи, свой род. К тому же женка одного из убиенных под Исадами князей — Кир-Михаила — меньшая дочь недавно умершего Всеволода Чермного, то есть его брату, Глебу Святославичу, который ныне сидел на черниговском столе, она доводилась братаничной, а потому...

Страсти разжигало и то, что уж больно много собралось ныне безудельных княжат в Чернигове и прочих градах. И не просто безудельных, но и без малейших перспектив на будущее — землю на всех не растянешь, а какая есть, уже занята родичами, притом основательно. У усопшего Чермного двое непристроенных сынов, да и у младших братьев черниговского князя потомство будь здоров. Одни Мстиславичи чего стоят — Дмитрий, Андрей, Иван, Гавриил... И куда ему, Глебу, всех братаничей распихать, когда он не ведает, чем родного сына Мстислава наделить.

А по соседству с ними, в Новгород-Северском, говорили примерно так же — и об общем пращуре Святославе Ярославиче, и о родстве с покойными князьями, разве что имя убиенного было иное, а так один в один. Да и как иначе. Заботы-то одинаковы — всем по уделу сыскать, вот только если Черниговское хоть и трещит по швам от обилия княжичей, то Новгород-Северское и вовсе как курица-несушка — что ни десяток лет, так яйцо с новым уделом: Курск, Путивль, Вщиж, Трубчевск, Рьльск...

Потому и разгорелась нешуточная пря¹ что там, что тут. Повсюду щитами гремят, мечами звенят. У наследников немущих глаза как яхонты горят. Все в один голос кричат: «Подсобить немедля меньшому Ингварю, чтоб справедливость на Рязани восторжествовала!»

А с другой стороны посмотреть — как подсобить, когда он за помощью не шлет? Самозванно-то идти негоже. Опять же неведомо, о чем владимирцы думают. Но главным и тут был вопрос: «А что скажет Мстислав Удатный, который родня всем — и убийцам, и убиенным?»

¹ Распря.

И как ни горячились молодые княжичи, у которых кроме этого звания да небольшого городишки за душой ничего не имелось, как ни настаивали, все равно старшие порешили не по-ихнему. Уж больно свежи у князя Глеба Святославича воспоминания о раздоре трехлетней давности, когда сводные дружины смолян и новгородцев смерчем пронеслись по черниговской земле... Нет, в таком деле спешка даже не вредна — смертельна. Братаничей понять можно — такой удобный случай, чтобы поживиться за счет соседских междоусобиц, навряд ли представится. Но он, Глеб, в ответе за все княжество в целом, и ему ошибаться нельзя. А посему надобно ждать слова Удатного. Благо, что тот медлить не любит, так что, поди, что-нибудь уже да надумал. А вслед за ним и Изяслав Владимирович тоже решил погодить.

Да и у владимирцев без споров не обошлось. Особенно горячился Ярослав, который жаждал реванша, и неважно, что биться предстоит вовсе не с тем, кто одолел его на Липице. К тому же будущего противника звали точно так же, как и его старшего брата, которого переяславский князь после проигранного сражения ненавидел. Стыдно ему было ехать к брату Юрию — как ни крути, а тот пострадал именно из-за него, Ярослава, — но видел, что своей дружины, уменьшившейся вдвое, для похода на Рязань не хватит, вот и пришлось скрепя сердце катить к нему.

У самого Юрия дружина была тоже невелика, ибо потеряла на Липице еще больше людей, но зато брат, как и погибший Кир-Михаил, был женат на дочке недавно усопшего черниговского князя Всеволода Чермного, только старшей, Агафье. И расчет Ярослава строился на том, что тот сговорится с родичами, а против двойного удара — с запада и севера — рязанскому князю нипочем не устоять.

Однако Юрий, замирившись со своим братом Константином, не хотел выходить из его воли, тем более теперь, когда было ясно, что дни великого владимирского князя из-за его тяжелой болезни сочтены. Об этом доверительно поведал его лекарь, старый Матора. Вот и получалось, что он, Юрий, его ближайший преемник. Да и сам старший Всеволодович, не иначе как чуя скорую кончину, недавно перевел брата из маленького волжского Городца в Суздаль, так что ныне сердить его своим самовольством ни к чему, а потому он предложил

Ярославу отправиться вместе с ним в Ростов Великий. Не хотел тот ехать к старшему брату, ох как не хотел, но жажда реванша оказалась сильнее. Коли по-другому никак, то пускай...

Однако миролюбивый Константин ответил точно так же, как и старшие черниговские и новгород-северские князья своим сынам и сыновцам, — мол, не след нам ныне встревать в чужие распри. Неужто мало крови пролилось на Липице, так к чему ее множить.

— Они ить нам не чужие. Тебе усопшие хошь и двухродными, но внуками доводятся, — в тщетной надежде склонить миролюбивого Константина на распрю с южными соседями напомнил Ярослав. — Давай хошь детишкам их заступу дадим.

— Ты ж сам токмо что чел грамотку, кою мне мой рязанский тезка прислал, — парировал Константин.

— А допрежь того Глеб иную выслал, так отчего ты ему веры не даешь, а Константинышке-братоубийце...

Видя, что младший брат не в меру распалился, Юрий решил вмешаться. Успокаивающе положив руку на плечо Ярослава, он остановил его на полуслове и с легкой укоризной, адресованной Константину, произнес:

— Правому помочь — святое дело.

— Правому — да, — не стал спорить тот. — Вот токмо не ведаю я, кто из них прав, а потому, — и далее он чуть ли не слово в слово повторил то, что говорили в Киеве, в Чернигове и в Новгороде-Северском, — пождем, что нам Мстислав Удатный скажет. Он-то, сами ведаете, куда ближе всем рязанцам по крови, нежели мы, одначе покамест молчит. — И Константин, резко поменяв тему, осведомился у Ярослава: — Он, к слову, не надумал еще свою дочку тебе возвратить?

Тон вопроса был заботливым, даже участливым, но Ярослав прекрасно понял, что это была маленькая месть за «Константинышку-братоубийцу».

— Нет! — отрезал он и, резко развернувшись, даже не вышел — выбежал прочь из покоев брата.

Хозяин терема скрыл в усах довольную улыбку — сквитался — и с укоризной заметил оставшемуся стоять в растерянности Юрию:

— Тоже мне — нашел кого слушать. Ты-то хоть горячку не

пори. Вот поведает Мстислав Мстиславич свое словцо, тогда и поглядим.

— А коль не поведает? — осведомился Юрий.

— Все одно, — пожал плечами Константин. — К нам рязанцы за помощью не обращались, а незванным в такие распри соваться — себе дороже. Да и не мыслю я, что Ярославов тесть такие вести мимо ушей пропустит...

Вот и получалось, что все, кто был заинтересован в походе на Рязань, надеясь урвать себе кус из обширного княжества, затаились в ожидании решающего слова.

Что же касается сидевшего в Великом Новгороде Мстислава Мстиславича, то тут старший из братьев Всеволодовичей оказался абсолютно прав — князь, прозванный на Руси Удатным, вести из Рязани мимо ушей не пропустил и молчать не собирался...

* * *

И обсказаша князь Глеб в сих грамотках, яко все стряслось на земле резанской, ничего не утаив и не солгав ни единым словцом. А еще повиннишися за недогляд свой, что не сумеша распознати козни подлые, а уж егда спохватишися, то поздно сталося...

Из Гүздальско-Филаретовской летописи 1236 г.
Издание Российской академии наук, Рязань, 1817 г.

* * *

И обсказаша княже Константине в тех грамотках, яко все стряслось на земле резанской, ничего не тая, и не бысть тамо ни единага слова лжи. А еще покаялся за недогляд свой, что не сумеша вовремя распознати козни подлые брата своого, да и опосля не враз возмог ему противустати...

Из Владимиро-Пименовской летописи 1256 г.
Издание Российской академии наук, Рязань, 1760 г.

* * *

Странным оставалось только одно — непонятное равнодушие, которое овладело всеми русскими князьями при известиях о трагедии под Исадами. Такое впечатление, что ни черниговских князей,

ни суздальских, не говоря уже о далеких киевских или еще более западных — волынских и полоцких, отнюдь не беспокоило все, что там стряслось. Раздробленная Русь, терзаемая княжескими междоусобицами, не пожелала как-либо отреагировать на кровавую свару, и ни один из князей не предпринял никаких конкретных практических действий.

Можно сказать, удивительное и загадочное безразличие. Объяснение этому только одно — последующие события происходили настолько быстро, что никто не успел опомниться, как князь Глеб уже был смещен с рязанского стола. К тому же Константин и сам не просил никакой помощи.

Правда, остается неясным еще один момент — доподлинно известно, что после произошедшей бойни Глеб незамедлительно написал всем соседям, в подробностях изложив свою версию случившегося. Во всяком случае, упоминания о его письмах встречаются сразу в нескольких летописях того времени, равно как и о письмах Константина, который, сев в Рязани, поступил аналогичным образом.

А нам остается только гадать, каким образом Константин сумел столь убедительно опровергнуть послания Глеба, что все поверили именно ему. По принципу «Победителей не судят»? Отпадает. На Руси того времени существовали достаточно строгие морально-этические нормы для князей, и нарушивших их могли вообще изгнать из города, а тут на редкость удивительное единоверие со стороны всех князей.

Однако, к превеликому сожалению, ни одна из этих грамоток до наших дней не дошла, так что мы с прискорбием вынуждены констатировать, что ознакомиться с этими, вне всякого сомнения в высшей степени талантливыми произведениями в области дипломатии, нам никогда не удастся...

Албул О. А. Наиболее полная история российской государственности, т. 2, стр. 121. Рязань, 1830 г.

Глава 1

КОГДА ХОЧЕТ ЖЕНЩИНА

И это рассказ не о находчивой женщине или ее путях, — это урок всем, кто забывает в вещах их свойство казаться и быть...

Ольга Погодина

Мстислав Удатный уже надумал было идти походом на Рязань, поскольку послание Константина ничуть не уверило его в невинности нынешнего рязанского князя. Более того, грамотка князя Глеба выглядела для Мстислава куда убедительнее. Почему? Ну хотя бы потому, что она пришла раньше, а Мстислав если уж принимал чью-то сторону, то надолго, и редко, притом весьма неохотно, менял свою точку зрения.

Однако, перед тем как по обычаю собрать новгородское вече, он решил заглянуть в светлицу к дочери Ростиславе. Ежели идти в поход на Рязань, то через переяславские земли, и тут князя Ярослава никак не миновать, а жена его — вот она сидит, с девками дворовыми рубахи вышивает.

Это для всех прочих Мстислав в такой обиде на зятя за свой Новгород, что в качестве наказания даже забрал у него жену. Да мало того — уже два посольства от Ярослава отправил восвояси. Не отдам Ростиславу, и все тут! На самом деле именно за город он особой обиды на зятя не таил. Ну поцапались малость, пришлось поучить, на будущее урок дать — сердчать-то чего? К тому же на битых и вовсе зла держать негоже. Наоборот, сейчас самое время к окончательному примирению прийти.

Одно худо — для этого дочку свою старшенькую, Ростис-

лаву, непременно вернуть придется. А как это сделать, когда она всякий раз на своего батюшку глядит, а в глазищах такая смертная тоска застыла, что все внутри переворачивается. Отец же он родной — не зверь какой-нибудь.

К тому же и мать ее, свою первую жену Догаду Давидовну, любил он крепко. Рано она ушла из жизни — всего-то и длилось их счастье три лета. С тех пор Мстислав успел жениться на дочери половецкого хана Котяна, прозванной после святого крещения Марией, прожить с нею без малого пятнадцать годков, сызнова овдоветь, но память о Догаде оставалась свежа, будто та умерла не двадцать три года назад, а совсем недавно.

Вот и перенес Мстислав любовь к безвременно ушедшей из жизни жене на единственную дочь, которой успела одарить его Догада. Да и как ее не любить, когда чем больше подрастала Ростислава, тем отчетливее становилось видно, что дочка переняла от матери всю ее ангельскую красу. К тому ж добавлялось и родство судеб — ведь и сам Мстислав тоже остался без матери будучи пяти дней от роду.

Нет, услужливая и во всем покорная супругу Мария Котьяновна падчерицу всегда ласкала и свою родную дочь Анну, которая родилась буквально годом позже, чем Ростислава, ни в чем не выделяла, равно относясь к обеим, однако как ни крути, а все одно — мачеха.

То, что не все ладно в супружестве любимой дочери, Мстислав понял еще давно, спустя всего год после веселой шумной свадьбы. И пусть Ростислава не жаловалась, но в весточках своих к отцу добрыми словами тоже не сыпала. Если изложить вкратце суть ее посланий, то смысл их был таков: нормально все, живем не тужим, как и все прочие. Только просьбы частые — румян с белилами прислать заморских, самых лучших, кои токмо попадутся у купцов, а то, дескать, худо с ними тут, в Переяславле.

Слал, конечно, и гривен за них не жалел, но позже, и то от верных людей, а не от самой Ростиславы, прознал он кое-какие подробности их совместной жизни. Тогда и понял, зачем его умнице и красавице понадобились в таком количестве румяна с белилами. Да затем, что негоже, когда на лице синяки видны. Что для холопки иной не в поношение, то для переяс-

лавской княгини — страшный позор. А для Ростиславы вдвойне — гордая у него дочка.

Однако и у каждой гордости есть свой предел. Последнее письмо от нее ему привезли, когда он был в Галиче. И вновь жалоб в нем не было, только просьба подсобить с выбором — какой монастырь лучше всего выбрать. Да еще внизу свитка стояла необычная подпись: Феодосия.

Никогда ранее дочь своим крестильным именем не подписывалась. Не любила она его. Всегда ей больше по душе гордое княжеское было — Ростислава. Да и к монастырской жизни тяги у нее отродясь не имелось. Скорее напротив. «Чем рясу на себя надевать, так уж лучше сразу к русалкам. У них-то жизнь попривольнее», — говорила она всегда. А тут и муж ее словно с цепи сорвался, решил любимый Мстиславом Новгород на колени поставить. Словом, все одно к одному — возвращаться надо. За град поквитаться да... за дочку.

Оттого и Ярослав, разбитый на Липице и устроивший со зла страшный самосуд над ни в чем не повинными новгородскими и смоленскими купцами, оказавшимися на свою беду в Переяславле-Залесском, поехал, смилив гордыню, не к теще, а именно к брату Константину. И просьба у него была одна — чтобы тот не выдал его Удатному на расправу.

Потому и Мстислав, обычно добродушный и незлобивый, невзирая на все уговоры своего союзника, не захотел мириться с зятем — и к городу его не пошел, и даже видеть Ярослава не пожелал. Последнее из опаски, что сдержаться не сумеет. Он и даров его не принял — счастье дочери на золото-серебро не купишь, — лишь потребовал, чтобы зять ему Ростиславу вернул. А дабы скрыть нелепость своего пожелания — когда такое было, чтоб князь у князя жену отбирал, пусть даже она ему и дочь родная, — Мстислав к этому повелению присовокупил, чтобы и все новгородцы, кои в живых остались, тоже были к нему доставлены.

И оба — и Удатный, и Ярослав — знали, какое из требований главнее, а какое так, лишь для отвода глаз. Скрипнул переяславский князь зубами в бессильной ярости, но делать нечего — все исполнил. И скоро Ростислава с густо набеленным лицом — а как иначе два свежих синяка скрыть? — сидела у отца в шатре.

Глядел на нее Мстислав и тоже зубами от злости скрипел.

Это ж сколь его лапушка, зайныка, кисонька, детонька ненаглядная перестрадала, коль ныне от нее прежней — а ведь всего два года прошло с начала замужества — почитай, половина былой стати осталась. Была-то розовощекая, округлая, словно яблочко наливное, а ныне эвон какая исхудавшая.

Тогда-то, сидючи в шатре, он в сердцах решил вовсе не возвращать ее мужу. К тому же и за собой чувствовал изрядную вину — ведь предупреждали его, что не просто так умерла первая жена Ярослава, Аксинья Юрьевна. Хоть и терпеливой была дочка половецкого хана Юрия Кончаковича, но все одно — доставалось ей порядком, а рука у мужа ох и тяжела. Вот только он, Мстислав, не послушался доброхотов, порешив, что пред такой красой никто не устоит, потому и дал согласие на свадьбу. Зато ныне сызнова вручать ее извергу на поругание он не собирался. Да и сама Ростислава сразу повеселела, узнав про отцовское решение, так что обратно в Новгород он уехал вместе с нею.

Да и потом, когда Ярослав прислал за нею послов, выпроводил их ни с чем. Стоило ему вспомнить то свидание в шатре и измученную, исхудавшую Ростиславу, как тут же все в нем вздымалось, и он, глядя на вновь расцветшую под его заботливым крылом дочку, решительно отказал в ее выдаче. Правда, выпроводив восвояси второе по счету посольство, князь поневоле призадумался — а что же дальше? Как ни крути, а такое ведь тоже не может длиться до бесконечности. Замужней бабе — будь она хоть кто — место рядом с законным супругом, а не у отца.

Зато теперь вроде бы подворачивался удобный случай — не просто отвезти Ростиславу, а заодно и зятя с собой на Рязань пригласить. Думалось, что совместный поход должен их как-то друг с дружкой сблизить, а коли Ярослав сердца на тещу держать не станет, глядишь, и с женой своей полюбезнее будет, а там как знать, может, и к общему ладу придут. Да и намекнуть можно, время подходящее выбрав, что, мол, все, шутки давно кончились и вдругорядь он, Мстислав, такого обращения со своей кровинушкой прощать не намерен.

Но вроде бы и все продумал, а на душе у него по-прежнему было беспокойно, так что он продолжал хмуриться, хотя и сам толком не понимал почему. Вроде бы со всех сторон

складно получалось, так чего ж кошки на сердце скребутся? Однако раз решено, значит, быть по сему.

— Сбирайся, — хмуро буркнул он, войдя к дочери в светлицу, и повелительно махнул дворовым девкам, что сидели рядышком с переяславской княгиней на лавках, склонясь над вышивкой.

Челядь мигом исчезла. Лишь Вейка, любимица дочери, как бы невзначай немного замешкалась у выхода, ожидающе косясь на свою хозяйку, не подаст ли та какой знак, не повелит ли остаться. Знака она не дождалась, зато Мстислав так грозно глянул в ее сторону, что пришлось проследовать за остальными. Уходя, Вейка успокоила себя мыслью, что отец — не муж и худа над ее обожаемой княгиней не свершит.

— Как скажешь, батюшка, — послушно откликнулась Ростислава, поняв все без дальнейших объяснений и лишь спросив: — Сколь скоро ехать повелишь?

— Пока вече сберу, пока дружину проверю — с неделю, не менее, провозимся.

— Так ты сам меня повезешь? — не поняла княгиня. — А почто со всей дружиной? Чай, не на битву едешь, к зятю родному. — Но не утерпела, тут же иронично протянув: — Хотя да, иной зять, он... — А договаривать не стала, и без того обоим ясно.

Мстислав вздрогнул и смущенно пояснил:

— Я к нему лишь попутно загляну, чтоб тебя из рук в руки передать... да поговорить кое о чем, — добавил он грозно.

Лицо Ростиславы вмиг зарделось ярким румянцем. Она прекрасно поняла, о чем именно, а точнее, о ком будет идти речь. Ох, как же стыдно, как же непереносимо стыдно... Мстислав же, не обращая внимания на раскрасневшиеся щеки дочери, продолжил:

— А дружину с собой на Рязань поведу. Да не токмо дружину, но и новгородский полк мыслю прихватить, потому как негожее там творится.

— А я-то думала, что ты ныне Галич непокорный в мыслях держишь.

— Да бог с ним, с Галичем этим, — беспечно отмахнулся Удатный. — Подождет он, никуда не денется. Успею угорского королевича оттель выгнать, а сейчас поважнее дела имеют-

ся. Слышала, поди, что там на украине земель русских стряслось?

— Как не слышать. Ужо две седмицы¹ весь Новгород, почитай, токмо о том и говорит. Да и ты мне последнюю грамотку от князя Константина показывал, чла я ее. А ты, стало быть, сызнава о правде печешься? — печально вздохнула Ростислава.

— Надо ж кому-то, — проворчал Мстислав Мстиславич, которому в этот миг пришло на ум, что на душе у него, скорее всего, беспокойно как раз из-за Рязани.

Дело-то даже не в ней, а вообще — ну сколько ж можно?! То в Киеве творится бог весть что, то в Галиче, то у Всеволодовичей, а теперь вот еще одно к ним добавилось. Неужто у князей ныне вовсе ни стыда ни совести не осталось, коли они вот так-то?!

— А меня, значит, попутно... — задумчиво протянула Ростислава, прерывая тягостные раздумья отца.

Лицо ее слегка омрачилось, но длилось это недолго.

«А ведь ежели не поедет батюшка на Рязань, тогда и меня... попутно... не повезет, — мелькнуло у нее в голове. — Ежели не поедет...»

Она покосилась на князя и тихонько осведомилась:

— Одного я токмо в ум не возьму. Когда ты прямиком с моей свадьбы на Чернигов подался — тут все ясно. Святославичи Мономашичей забижали — негоже такое спускать. К тому же Мстислав Романович, что на Смоленске сидел, братом тебе двухродным доводился. И когда ты с Галича вернулся, чтоб за свой Новгород вступиться, да на Ярослава с Юрием пошел — там тоже все понятно.

Что именно, она вновь уточнять не стала. Ни к чему свой срам лишний раз прилюдно выставлять. Хоть и отец родной, ан все одно. Вместо этого далее свою ниточку потянула:

— Ты за старину вступился, Константина на Владимирский стол усадил, порядок должный навел, чтоб средь суздальских Мономашичей тоже все по дедовым обычаям было. А вот ныне я в толк не возьму: чай, в Рязани Святославичи грызню учинили. Так почто тебе туда лезть?

— Ежели бы черниговские али с Новгород-Северского

¹ С е д м и ц а — неделя.

княжества — тогда и впрямь чужие, — возразил князь. — А с теми, что на Рязани, я в родстве, потому и болит у меня душа. Никогда еще братоубивец на столе княжом не сиживал. Лучше помереть, чем неправду терпеть.

— Ан тут запамятовал ты малость, — деликатно заметила Ростислава отцу.

Ну не говорить же ему: «Батюшка, ты хоть одну харатью¹ за свою жизнь читал ли?»

Нет уж, тут тоньше надобно, чтоб, упаси бог, не обидеть. Лучше про плохую память сказать. Она — дело житейское. Для воина зазору нет предание далекой старины подзабыть.

— Еще пращур наш общий Владимир, хошь и равноапостольный, но повелел своего брата Ярополка на мечи вздеть, — привела она пример.

— То сами варяги учинили, — неуверенно возразил Мстислав, сам чувствуя слабость своих слов.

— Без княжьего дозволения на такое ни один варяг бы не решился, — не согласилась она. — К тому ж не в битве и не в сече, а когда тот мириться к Владимиру приехал. Один! Без меча!

— А Святополк Окаянный? — взвился князь. — Пришел Ярослав Мудрый и покарал братоубийцу.

— Это верно, — не стала спорить Ростислава. — Но он поначалу в точности уяснил, что Святополк в смерти братьев повинен, а уж тогда пошел на Киев. А ты, батюшка, сам-то до конца ли уверен, что это Константин Рязанский задумал братьев своих изничтожить?

— А кто же еще? — с недоумением посмотрел Мстислав на дочь. — Али ты словеса его, кои он в грамотке отписал, на веру взяла? Мол, ненароком в лес пошел, невзначай топориче вырубил. Тогда Глебовы письма припомни. Там-то во все иное сказывается.

— Стало быть, ты Глебовым словесам больше веришь? — уточнила Ростислава, еще раз прикидывая в уме, как полочнее зайти да с чего начать, и припоминая, что именно было написано в обоих свитках.

— Как же не верить, коль людишки Константина не токмо его братьев под Исадами, но и все их потомство сгубили?! —

¹ Х а р а т ь я — квадратный кусок бараньей или козиной кожи, вываренной и выскобленной, на которой в то время писались документы и книги.

возмутился Удатный. — Один токмо род Ингваря и остался в живых, да и то потому, что не успел Константин и сам в полон угодил. Ну а после уж исхитрился и своего последнего брата Глеба умертвил. Тут тоже все ясно как божий день. А не выступлю я, чтоб правду на рязанской земле учинить, он и остальных на мечи поставит. Мне же юный Ингварь Ингваревич и братовья его меньшие хошь и двухродные, ан все одно — сыновцы. Стало быть, надобно им заступу дать.

— Это хорошо, когда все ясно, а я вот ничегошеньки уразуметь не могу, — певуче протянула Ростислава, бросив в сторону отца лукавый взгляд и тут же вновь низко склонив голову над рубахой.

Казалось, девушка полностью отдалась вышивке, но это было обманчивое впечатление. На самом деле она торопилась все продумать. Времени, можно сказать, не было вовсе, а надо успеть выстроить из обоих посланий и прочих всевозможных обрывочных сведений, полученных преимущественно от заезжих купцов на богатом новгородском торгу, единую нить логичных рассуждений и веских доводов.

Вообще-то послание от Константина понравилось ей куда больше. У Глеба оно было написано слишком уж льстивым языком. Так впору оправдываться после свершенного, а не пояснять, что стряслось. А вот Константин спины перед ее отцом не гнул, держался с вежеством, почтительно, но и своей чести не забывал. Мол, ты мне старший братан¹ не только по летам, но и по своим делам, потому и хочу тебя известить о том, что стряслось...

Хотя, конечно, спору нет, и он тоже чего-то недоговаривал. Ну как может господь на небо живым взять? Конечно, возможны всякие чудеса и стоит лишь вседержителю захотеть, так он любое учинит, но вроде бы такой благодати лишь праведников достаивают, а тут совсем напротив, братоубийцу. Но сейчас ее задача была убедить отца не вмешиваться в рязанские дела, следовательно, нужно безоговорочно принимать сторону Константина, вот только зайти похитрее и донести до своего отца то, в чем хотел убедить его нынешний рязанский князь. Хотел, да... не сумел.

Эх, знать бы ей еще тогда, при чтении свитка, как все обер-

¹ Двоюродный брат.

нется, она б сразу этим занялась. К тому ж и времени для обдумывания у нее было бы куда больше. Во всяком случае, не один день, а ныне, коль не получится, и денька лишнего нетути. Уже завтра грянет вечевой колокол, сберется новгородский люд, скажет ее батюшка свое словцо, а Великий Новгород, после того что Мстислав Удатный для них сделал, за своим князем и в огонь и в воду.

— И чего ж тебе не ясно, разумница ты моя? — почти весело осведомился князь.

Ему и впрямь стало радостно. Еще бы. В кои веки выпадал случай разъяснить что-то в многомудрых княжьих делах своей дочери, которая порой просто поражала Мстислава своими умными рассуждениями. Выслушав ее, он иной раз еще долго расхаживал в раздумьях, а случалось, что и менял свои решения. Порой сразу, иногда только к утру, но поступал именно так, как подсказывала своими намеками Ростислава. Однако теперь-то уж она наверняка не права, и пришел черед отца утереть ее милый славный носик.

— Ну вопрошай, — ободрил он ее, усаживаясь рядышком с дочерью, — чего там моей Догаде невдомек.

«Догаде, — радостно отметила Ростислава. — Это хорошо, добрый знак. Раз матушкиным именем назвал, стало быть, и выслушать готов, и душой на долгую беседу настроен».

— Да невдомек мне, почто Константин, ежели к убийству страшному еще с зимы изготовился, лучших воев из дружины своей на мордву отправил? Да еще и Ратьшу с ими вместиах, — пропела она.

— Боялся, поди, что не пойдут они на такое, — предположил Удатный. — Хороший вой катом¹ николи не станет.

— Может, и так, — легко согласилась с ним Ростислава. — А те, кого он за пару месяцев до Исад у себя поместил? Они-то людишки подневольные. Нанялся на службу, гривны получил — служи и делай что укажут. Одначе он их тоже вместиах с Ратьшей отправил. Это как?

— Тоже не согласились, — уже не так уверенно пояснил князь.

— А ежели они все в отказ пошли, тогда неужто среди них

¹ К а т — палач.

людишек не нашлось, дабы о беде страшной прочих князей упредить? Неужто они все молчунами оказались?

— Может, он допрежь того, как с ними поделиться, роту¹ о молчании взял? — предположил Мстислав и наставительно заметил: — К тому ж хороший вой завсегда язык за зубами держать умеет.

— А мне ведомо, что иной мужик почище бабы этим языком мелет. И что было, и чего не было — столь всего наплетет, что и за месяц не распутать, — возразила дочь, предложив: — Да ты, князь-батюшка, свою дружину оком в думам окинь. Она ведь у тебя ладная, один к одному, а такие языкатые все едино сыщутся, да не один-другой, а поболее десятка.

Мстислав послушно окинул, после чего крикнул и возражать дочери не стал, а Ростислава все так же неспешно продолжала плести свои словесные кружева:

— И опосля опять же не понять мне, батюшка, ни Ратьши, ни прочих. Вот себя на их место поставь. Ты, к примеру, воевода в дружине Константиновой. Предлагает тебе князь братьев своих умертвить. Отказался ты и со всеми прочими уехал мордву бить. А возвернувшись, узнаешь, что побил он их все-таки. Ныне же появили Константина люди князя Глеба, и он, в железа закованный, в Рязани стольной, у брата в нетях². Ты бы что стал делать — неужто пошел бы с дружиной да стал бы требовать, чтоб братоубийцу на волю выпустили?

Князь кашлянул, продолжая все сильнее хмурить брови и морщить лоб. Разумеется, он бы на месте воеводы только радовался такому исходу дела и никогда бы не стал ратовать за освобождение этого каина. А вот Ратьша — муж хоробр, сед, честен — стал. Почему?

— Тут я и сам в толк не возьму, — откровенно сознался Мстислав.

— Мне гости³ рязанские да и иные, что в его Ожске бывали этим летом, про суд княжой взახлеб сказывали, — тем временем продолжала Ростислава. — Обо всем я тебе глаголить не стану — больно долго, но в каждом случае Констан-

¹ Рота — клятва.

² В плену.

³ Купцы.

тин строго по Правде Русской¹ судил, не глядя, кто там пред ним — боярин али смерд простой. Ну прямо как ты, батюшка.

— Что ж ты меня с убивцем рядышком ставишь? — недовольно буркнул князь.

— И в мыслях не держала, — заверила девушка, торопливо пояснив: — Я тебя рядышком не с убивцем, но с рязанским князем ставлю, и токмо потому, что сдается мне — не повинен Константин в той татьбе.

— Но его же людишки под корень потомство князей убиенных извели, — упорствовал Мстислав.

— Это верно, извели, — опять согласилась княжна.

За долгие годы общения со своим отцом она давным-давно усвоила одно непреложное правило: если хочешь, чтобы князь начал дудеть в твою дуду, не вздумай ему ни в чем переречь. Горячий и вспыльчивый Мстислав Удатный терпеть не мог, когда ему возражают, а пуще того — обвиняют в неправоте.

«Да прав ты во всем, батюшка, — всегда говорила Ростислава. — Токмо ты растолкуй, а то невдомек мне что-то. Как-то оно получается непонятно...»

А далее следовали факты, стянутые неразрывной цепью стальной логики. Тактика была надежная, многократно и с успехом проверенная на деле, и Ростислава менять ее не собиралась.

— А вот откель в том же Пронске али в Кир-Михайлове людишки сведали — кто перед ним стоит да с чьей дружины вои эти будут?

— Так они сами об себе сказывали, не таились, — пояснил Мстислав.

— Вот-вот, — кивнула Ростислава. — И впрямь не таились. И это мне тоже в диковину.

— А тут-то чего дивиться? — не понял князь.

— Дело-то уж больно страшное. Чтoб детишек убить — не каждая черная душа такой грех на себя возьмет, а коли и возьмет, так все едино — с утайкой да с опаской к нему приступит. А тут еще и похваляются.

— Видать, вовсе без бога в душе людишки те были, — вздохнул Мстислав Мстиславич.

¹ Русская Правда — свод древнерусского права.

— Может, и так, — не перечила Ростислава. — А может, и иначе быть. След они свой заметали. Как зайцы на снегу петли делают, чтоб охотник не додумался, куда за косым идти и где он в нору забился.

— Погоди-погоди, — нахмурился князь. — Чтой-то я в толк не возьму — след заметали, а сами о себе сказывали во весь голос. Как так?

— А его всяко можно замести. Ты вспомни-ка, какой навет померанская княжна на своих пасынков измыслила. И ведь поверил ей твой шурин. А опосля что вышло? Я тебе еще грамотку от тетки зачитывала.

Мстислав нахмурился, припоминая. Действительно, совсем недавно, и месяца не прошло, получила Ростислава от родной тетки, некогда Янки Мстиславны, а ныне, после принятия пострига в одном из полоцких монастырей, сестры Агриппины, грамотку, в которой та сообщала о делах, творящихся в Полоцке.

Произошло же там следующее. На старости лет удумал тамошний князь Борис Давидович жениться вторично. В жены себе выбрал красавицу Святохну, дочку померанского князя Казимира. И мало того что она хотя вроде бы и приняла греческий закон, но все равно не отпускала от себя латинского попа, так вдобавок решила известить взрослых сыновей Бориса Василько и Вячко, чтобы княжение досталось ее малолетнему сыну Владимиру, которого она успела к тому времени родить престарелому Борису Давидовичу.

С этой целью она вначале надоумила пасынков отпроситься у отца на самостоятельное княжение в разные грады полоцкой земли, а после того, как они удалились, составила подметное письмо, адресованное им. Было оно написано якобы от имени наиболее авторитетных полочан, которые являлись рьяными сторонниками Василько и Вячко. В письме эти люди будто бы звали сыновей Бориса на княжение, убеждая свергнуть с полоцкого стола отца, выжившего из ума, а Святохну и ее сына предать смерти. Послание это померанская княжна передала Борису — дескать, удалось ей перехватить.

Зная о том, что в народе не любят его молодую жену, Борис Давидович поначалу поверил клевете, и как ни божились и клялись обвиняемые, однако были казнены. Но затем, прове-

дав о случившемся, Василько Борисович сам отважно приехал к отцу, нашел того, кто все это писал под диктовку Святохны, и, приперев его к стенке, сумел обличить клевету мацехи.

— Так ты мыслишь, что и они... — задумчиво протянул Удатный.

— Коль уж баба таковское возмогла учинить, то мужику оное измыслить — раз плюнуть, — передернула полным плечиком Ростислава.

Вообще-то в душе она считала совершенно иначе, однако, зная точку зрения своего отца на умственные способности тех и иных, решила и тут ему угодить.

— Выходит, на волка помолвка, а теленка пастух украл. Так, стало быть, ты мыслишь? — И он с невольным восхищением поглядел на умницу-дочь.

— Так, батюшка, — кивнула она. — И иное мыслю — ить из черного белого все одно не сотворишь. Как ни жаться, а в правде признаться. Эвон, Святохна крутила-вертела, а правда все одно всплыла. А енти убивцы княжат малолетних признались в ней одним тем, что уж больно громко свою лжу везде повторяли.

Мстислав вновь погрузился в раздумья, беззвучно шевеля губами. Ростислава, внимательно посмотрев на отца, решила ковать железо, пока оно горячо, и на всякий случай тут же подкинула новый довод в пользу своей версии:

— Да еще об одном помысли-ка. Сказывали, что у Константина, когда он из Исад бежал, от воев Глебовых спасаясь, всего трое али четверо осталось из дружины всей, да и сам он весь в ранах был. До того ли ему, чтоб о детишках княжьих думать? Да и на что они ему, ведь в Рязани не он сидит, а его брат Глеб. Опять же и послать ему некого, да еще сразу во все места. А ведь сказывают, токмо в Пронск десятка два приехало, да и в другие грады столько же, — ты сам-то сочти, батюшка.

— А кто же тогда?.. — Мстислав, не договорив, оторопело уставился на дочь. — Убивец-то тогда кто?

«Экий ты недогада, батюшка!» — чуть не сорвалось с ее языка, но она сдержалась и спокойно, даже чуточку равнодушно — мол, далеки от меня дела рязанские — предложила:

— А ты на каиново место князя Глеба примости, и сразу все вмиг сойдется. Да и никакой несуразицы уже не будет.

Опять же помысли, нешто граждане Рязани стольной утерпели бы такое непотребство, чтоб над ними братоубийца сидел? Они, конечно, не вольные новгородцы, но буйства и у них в достатке. Земли-то украинные, беспокойные, так что там удалец на удалце.

— А я вече собирать хотел, — растерянно протянул Мстислав.

— Собрать его завсегда успеешь, — деловито заметила дочь. — Токмо в народе не зря сказывают: «Сперва рассуди, а опосля осуди». К тому ж я тут и еще кой-что вспомнула. Ты ведь на Чернигов не самовольно пошел — смоленские князья подсобить просили. А Великий Новгород возьми. Сами людишки за тобой в Торопец, а опосля и в Галич прибежали. Да и Юрия со стола во Владимире ты ссаживал не для себя — для старшего Всеволодовича старался, кой сам в твой стан полки свои привел. А ныне незванным возжаждал пойти. Рязань же, сколь я памятаю, незваных гостей не жалует. Там даже сын покойного Всеволода Юрьича усидеть не смог, а уж на что его батюшка силен был¹.

— Силен-то силен, а со мной потягаться он не возмог — уступил², — заметил Удатный с удовлетворением и легкой гордостью.

— Верно, уступил. А еще и потому он так сделал, что чуял, на чьей стороне правда. А ныне, батюшка, ты сам-то ведаешь, у какого края ее в Рязани искать?

Мстислав смущенно засопел. До разговора с дочерью он это ведал точно, а вот теперь, после всех ее слов, и впрямь получалось, что... Нет, он все равно так до конца и не согласился с тем, что правда на стороне Константина, но если ее нет и у Глеба, тогда где она вообще? И что тогда делать?

— К тому ж и путь туда не близок, — прибавила Ростислава, видя отцовские колебания. — Как знать, можа, пока ты полки соберешь да туда подойдешь, младшой Ингварь с

¹ Имеются в виду события 1207 — 1212 гг., когда Всеволод Большое Гнездо захватил в плен большинство рязанских князей, а в Рязани в 1208 г. усадил княжить своего сына Ярослава. Однако рязанцы не смирились и открыли партизанскую войну против владимирских наместников и тиунов, после чего в том же году Всеволод был вынужден забрать своего сына, хотя в отместку за непокорство сжег Рязань.

² Подразумеваются события 1211 г., когда новгородцы призвали торопецкого князя Мстислава Удатного, чтобы он избавил их от притеснений Всеволода Большое Гнездо.

Константином, во всем разобравшись, сами мирком поладят. А тут и ты заявишься с дружиной. Получится, что ни к селу ни к городу.

Она окончила шитье, деловито перекусила нитку зубами и, держа рубаху на вытянутых руках, принялась придиричливо оглядывать свою работу. Мстислав сидел погруженный в глубокое раздумье. Молчание затянулось, но Ростислава терпеливо ждала, не мешая неторопливому ходу отцовских мыслей. Она даже затаила дыхание, чтоб ничем не потревожить князя, пока он будет делать новый выбор.

— Да-а-а, мыслится мне, что ежели все взвесить как следует, то надо бы малость погодить, покамест все до конца не прояснится. Какой ни будь острый меч, ан и им всех концов не отрубишь — все равно рано или поздно, а наружу выйдут, — пришел наконец Удатный к окончательному выводу и впросительно посмотрел на дочь.

— Ох, ну до чего ж ты у меня мудер, батюшка, — радостно подхватила Ростислава. — Ишь яко славно поведал. А ить верно, — всплеснула она руками, словно только что постигла глубинный смысл отцовского решения. — Как ни крой, ан все одно — швы наружу выйдут. Так и тут — как ни путай, а божья воля со временем все распутает.

Довольный поддержкой, Мстислав уже гораздо увереннее продолжил:

— Опять же никто и подсобить не просил — так чего лезть? Можя, они и впрямь сами замирятся. Ты-то сама как думаешь? — повернулся он к дочери.

— Да по мне, как ты скажешь, батюшка, так оно и ладно, — певуче откликнулась Ростислава. — Адумать я никак не думаю. Нешто бабское дело — в мудреных делах княжьих разбираться. Вон, — она с гордостью показала на рубаху с уже оконченной вышивкой, — это работа по мне. Как оно тебе, по нраву?

— Княжьи думы и впрямь не бабского ума дело, — согласился с дочерью Мстислав. — Тут со всех сторон обмыслить надобно. И так покрутить, и эдак посмотреть. Иной раз и во все ум за разум заходит, — пожаловался он. — А рубаха, что ж, и впрямь славная получилась.

— Самому лучшему богатырю на земле русской шила. Всю

душу вложила, — похвалилась Ростислава, и Мстислав тут же ощутил легкий укол ревности.

С одной стороны, конечно, хорошо, что дочь всерьез решила замирииться со своим мужем, раз принялась вышивать для него, но с другой — чего-то и жалко стало, вот только чего именно — непонятно.

Князь встал, выпрямившись во весь свой богатырский рост, и, глядя на рубаху, еще раз подтвердил:

— Баская¹. Токмо у витязя твоего я на Липице одну спину и видел, — не удержался он все-таки, чтобы не съязвить.

— А тут ты неправду речешь, батюшка, — впервые за все время разговора возразила Ростислава отцу, и ее васильковые глаза строго потемнели. — Мой богатырь николи ворогу спины не казал, потому как везде и всюду токмо за правду бился и бог всегда на его сторону вставал. — Ростислава поднялась с лавки и, держа рубаху на вытянутых руках, низко склонилась перед отцом в глубоком поясном поклоне. — Так что прими ее и носи на здоровье, коли так по сердцу тебе моя работа при- шла, витязь ты мой любый.

— Так ты что же? — оторопел Мстислав. — Оно как же? Ты для кого ее шила-то?

— Для князя великого, чья слава по всей Руси соколом летит и коего в народе уже давно Удатным кличут, — напевно ответила Ростислава.

— Вона как, — растерянно констатировал ее отец и уже совершенно иначе оценил всю прелесть мудреной витиеватой вышивки, идущей по вороту и далее спускаясь к глубокому разрезу на груди. Да и обшлага рукавов вышивальщицы тоже не обделили своим вниманием, потрудившись на славу.

В причудливом сплетении волшебных трав и растений таились диковинные звери, готовые к прыжку на неведомую добычу. Золоченая нитка хитро свивалась с синей, та с желтой и зеленой, и все это в окружении всевозможных оттенков красного.

— А я-то мыслил, что ты ее супругу своему Ярославу вышила. — И он посетовал: — Негоже оно так-то. Сама ведаешь, где мужней женке место.

— Ведаю, — кивнула Ростислава, помрачнев.

¹ Красивая.

Зрачки ее глаз потемнели от гнева, став почти фиолетовыми, и она отчеканила, как заученный урок:

— В замужестве девица род свой в одночасье меняет, и должно ей с мужем делить все невзгоды честно и пребывать при нем неотлучно, яко в радостях, тако же и в несчастьях. Потому, батюшка, ежели повелишь, вмиг соберусь, ибо вся в твоей воле.

«Да неужто зря я это затеяла, вступившись за рязанского Константина?» — промелькнуло у нее в голове.

— Вся-вся, — раздраженно пробурчал Мстислав. — А я вот и повелю — готовься. Не ноне, конечно, — торопливо добавил он. — Коли я с Рязанью погодить решил, то и тут торопиться неча. Опять же и дожди того и гляди зарядят. Еще завязнешь где в дороге. А вот как снег выпадет, так прямо по первопутку тебя и отправлю. И все! — отрезал он. — И не прекословь!

— Отродясь слова тебе поперек не сказывала, — пожалала плечами Ростислава. — Коля велишь готовиться, стало быть, учну готовиться. — И, провожая взглядом уходящего из светлицы отца, перекрестилась: «Вот и еще пару-тройку месяцев отсрочки себе выхлопотала».

Она вздохнула и, чтобы быстрее прогнать от себя грустные мысли о неизбежном возвращении в Переяславль-Залесский, вспомнила о том, что именно она насочиняла отцу про события в далеком Рязанском княжестве.

«Вот будет забавно, если мои слова и впрямь правдой окажутся, — невесело усмехнулась Ростислава. — А впрочем, какая разница, кто там убивец, а кто страдалец. Главное, что отец мне поверил и отказался от похода на Рязань, а там... Там я еще что-нибудь удумаю. Ништо. Не пропадем», — ободрила она сама себя.

Свои хитрости она и за малый грех не считала. Никто же не спрашивал ее согласия, когда выдавал замуж. Сказали — надо, вот и все. На что уж отец всегда был потатчиком к старшей дочери, а тут и он не захотел хотя бы попробовать поговорить по душам.

А с другой стороны, о чем разговор-то вести? Это у дочек простецов жизнь невесть как сложится, а у княжеских иначе. Она еще в люльке качается, ее и от груди отнять не успели, а судьба уже известна — и за кого замуж, и когда. Ей самой и так

изрядно свезло — почитай, почти до осьмнадцати годков невестилась, а ведь иных и в двенадцать лет, а то и того раньше под венец отдают.

Да и потом все заранее определено, до самой смерти. А коли супруга твоего костлявая раньше подстережет, у вдовы путей только два — либо в монастырь, либо, ежели сыновья малы, оставаться вдовствующей княгиней и ждать, когда они подрастут да когда молодая невестушка придет, чтоб свою власть утвердить. А далее все одно — монастырские стены.

Увы, но у нее, Ростиславы, детишек нет, и, случись что с Ярославом, дальнейшая дорожка известна... Впрочем, имелась и еще одна тропка, коя в Плещеево озеро вела. Страшно, конечно, только если призадуматься, то неведомо, что на самом деле страшнее — сразу на тот свет отправиться али заживо себя в темнице каменной похоронить? Ежели для нее самой такой выбор бы встал — как знать, как знать...

А вот обратно к отцу уже нельзя — не дочь, а вдова, пусть и молодая. Да и кто она в его тереме будет? Так, не пойми что. Повторно же замуж выйти — так не принято у князей «залежалым товаром» торговать. Да и кто на нее польстится — разве старик какой, а это значит из огня да в полымя. Ярослав-то хоть и суров, и зол, и несправедлив, и невнимателен, да много еще всяких «не», включая буйный нрав и тяжелую руку, но все-таки когда он на коне, да в воинской справе, да еще брава дружина позади — тут уж у любой сердце в груди защежит. По первости, бывало, пару раз щемило и у нее.

Опять же взять — пусть и чужой, и сердцем далек, и мыслями, и отталкивал ее постоянно своими насмешками, когда она пыталась помочь советом, и руку на нее поднимал, а уж про податливых холопок, коих он сменил невесть сколько, и вовсе лучше умолчать, ибо не сосчитаешь, — но ведь муж. Другого-то нет и уже никогда не будет.

Хотя что об этом сейчас-то? Может, и будут еще дети. Ох как хотелось Ростиславе их иметь — маленьких, ласковых, ненаглядных. С ними и сердцу отрадно, и супротив всех несправедливых упреков, получаемых от Ярослава, устоять куда легче. Да и будущее тогда вырисовывалось совсем иное.

Ростислава упрямо трянула головой. Ладно, обождем до первопутка, а там...

И пошла в свою светелку — гордая, молодая, красивая, умная, но такая несчастливая.

* * *

Если же упоминать о молчании такого неустанного борца за справедливость, как Мстислав Удатный, то оно больше говорит о мудрости этого князя, чем о его нерешительности. К тому же, как мне думается, его в то время, скорее всего, гораздо больше занимали иные проблемы, напрямую связанные с Галичем, где вновь воцарился венгерский королевич Андрей...

Албул О. А. Наиболее полная история российской государственности, т. 2, стр. 121. Рязань, 1830 г.

Глава 2

ИНГВАРЬ, СЫН ИНГВАРЯ

Мне гибель не страшна. Я заявляю,
Что оба света для меня презренны,
И будь что будет; лишь бы за отца
Отмстить как должно.

Вильям Шекспир

Душно было в просторном шатре. Душно и сумрачно, потому что слуг не допускали, а споры затянулись далеко за полночь и часть восковых свечей, окончательно выгорев, погасла. Те, что горели, находились на последнем издыхании, хотя и продолжали выжимать из себя неяркий грязно-желтый свет.

А еще было холодно. Поставленный в чистом поле шатер мог лишь сдерживать порывы студеного сырого ветра, а вот согреть собравшихся в нем — увы. Жаровни с углями стояли давно остывшие, а поменять их нечего и думать — дров не было. К тому же то один, то другой из спорящих откидывал полог, выходя наружу или возвращаясь обратно, а суровый холодный ветер только того и ждал, радостно залетая внутрь.

Впрочем, как раз холода люди не замечали — не до того...

Князь Ингварь, возглавляющий это походное совещание и всего несколько месяцев назад перенявший от погибшего отца правление во граде Переяславле Рязанском, ныне пре-

бывал в тяжких раздумьях. Последнее слово было за ним, и как он порешит, так тому и быть. Он же пока не знал, что предпринять. Бояре, собравшиеся еще засветло к нему на совет, судили-рядили и так и эдак, но мнений было много, предложения звучали самые разнообразные, и князь растерялся.

Причиной тому была его молодость и отсутствие опыта. От роду было ему неполных восемнадцать лет, хотя выглядел он куда старше. Темноволосый и кряжистый, он оставлял о себе впечатление двадцати — двадцатипятилетнего молодого, но уже заматеревшего телом мужчины. Вдобавок, чтобы казаться солиднее, Ингварь стремился всегда и всюду соответствовать высокому званию: степенно вышагивал, тщательно следил за своими жестами, чтобы были уверенные и властные. В разговоре же старался быть неторопливым и немногословным — как бы ни хотелось поспешать с надуманным, пусть даже оно давно созрело в голове, помнил, что поначалу надо дать выговориться другим, ибо так всегда вел себя отец.

Однако то, что до недавнего времени он, хоть и был самым старшим из братьев, ни разу не принимал ответственных решений, вселяло сейчас вполне понятную робость и боязнь за возможную ошибку, ибо отец его, Ингварь Игоревич, княживший до недавних пор в Переяславле Рязанском, не очень-то спешил привлечь юношу к участию в княжеских советах. А зачем? Ему и самому лишь четыре с половиной десятка. Правда, некоторые нутряные хворости стали уже ощущаться, но поддаваться им он не собирался, твердо вознамерившись помереть не ранее чем обженит последнего своего сына Олега, коему пока что исполнилось только четыре года.

Поэтому Ингварь Игоревич принял решение отправить своего первенца на самостоятельное княжение всего лишь полгода назад, после той злосчастной зимней охоты, когда от рук шатучих татей изрядно пострадал и едва не умер от ран гостивший у них в ту пору ожский князь Константин. Именно приключившееся с ним несчастье и навело старшего Ингваря на мысль о бренности всего живого. Ныне жив, а там кто ведает, когда господь приберет его к себе, так что лучше побеспокоиться о своих сынах загодя, пока сам в силах посмотреть, как будут править, да подсказать что-то, если понадобится.

Все прочие для самостоятельного княжения были слишком малы, а вот первенцу, Ингварю-младшему, он выделил в удел небольшой городок Зарайск, стоявший на реке Осетр. Для начала правления лучшего места и представить нельзя. Окруженный со всех сторон дремучими лесами городок был мал, а жители селищ, относящихся к нему, нрав имели тихий и спокойный, так что событий почти не случалось и никаких сложностей не предвиделось. Словом, еще до весеннего половодья уже не какой-то там княжич, а полноправный удельный князь Ингварь Ингваревич выехал в Зарайск. Пока обосновался, пока вник во все, пусть не до самых тонкостей, но более-менее основательно, прошла половина лета, и ничто вроде бы не предвещало беды.

Но в конце месяца зарева¹ в его хоромы поздно ночью ворвался черный гонец². Одежда его была покрыта запекшейся кровью, а левая рука от самого плеча и до локтя была неумело замотана какой-то грубой серой тряпичей и плетью свисала вниз. Едва войдя в княжий терем и увидев вышедшего молодого Ингваря, гонец рухнул на половик, успев прошептать лишь два слова: «Беда, княже».

Более внятные сведения удалось получить от раненого дружинника лишь ближе к утру, когда он, периодически впадая в беспамятство от невероятной усталости, поведал потрясенному Ингварю о том, что случилось на княжеском съезде близ села Исады в Перунов день.

Правда, в самом шатре, где пировали князья, воина не было, а потому, что именно там стряслось, он пояснить не мог. Зато как напали на них люди из боярских дружин князя Константина — видел воочию. Бились недолго, уж очень неожиданно и врасплох их захватили, но вислоусый старый Пожар, ходивший у Ингваря Игоревича в сотниках, успел повелеть ему и еще троим скакать в Зарайск и Переяславль Рязанский, дабы предупредить домочадцев князя о случившемся, а сам с остатками дружины решил пробиваться к шатру, где находился Ингварь Игоревич с остальными князьями.

Что именно произошло с отцом молодого князя, равно как и с его боярами, дружинник не ведал, однако когда уже заби-

¹ Зарев — июль.

² Гонец, несущий печальную весть, как правило касающуюся смерти кого-либо из очень близких людей.

рался на коня, то почудилось ему, что услышал он голос Ингваря Игоревича, и слово «предатель», выкрикнутое им, гонец запомнил накрепко. И хоть кому оно было адресовано — тоже неведомо, но, учитывая, что подлое нападение было организовано людьми бояр князя Константина, особо гадать не приходилось.

Первая мысль Ингваря — куда только подевалась недавняя степенность — немедля скакать к батюшке на помощь. Хорошо, что удержали старшие дружинники. И впрямь, сейчас это не имело смысла — коль жив, так сам, наверное, поспешает в свой град, а коли нет, чем тут поможешь? Следовательно, и ему самому тоже необходимо в Переяславль Рязанский.

Во-первых, дождаться возвращения отца или, на худой конец, выяснить, что с ним стряслось, а во-вторых — причем не дожидаясь возвращения, а сразу — предстояло начинать срочно готовить к обороне сам город. Ну и, в-третьих, — ободрить мать, Всеславу Мстиславну, а коль понадобится, то и утешить в горе. Опять же и братья меньшие там остались. Давид с Романом совсем большие, одному пятнадцать годков, другому четырнадцать. Глеб поменьше — ему этой осенью лишь десять минет, а Олегу и вовсе едва пятый пошел. И если что — хотя от мысли, что батюшка погиб, Ингварь и отрешивался, но она все чаще и чаще приходила на ум, — то получалось, что удельный князь Зарайска в одночасье должен взвалить на свои плечи все огромное хозяйство отца.

Уходили в Переяславль налегке, но из полусотни дружинников, которых выделил сыну Ингварь Игоревич, отправляя его в Зарайск, молодой князь все-таки оставил с десятков во главе с самым опытным — кряжистым Костарем, наказав спешно собрать рать из мужиков близлежащих деревень. Дело это обещало быть долгим, а посему заняться им надлежало немедленно.

Собрав с бору по сосенке ополчение — три сотни кое-как вооруженных мужиков — и повелев утроить бдительность и осторожность оставшимся на страже Зарайска, Костарь через пару недель выехал вслед за Ингварем в Переяславль Рязанский. К тому времени о случившемся под Исадами Ингварь знал еще не все, но самое главное. Два князя-братоубийцы, из

коих один Константин, а второй — родной брат Константина Изяслав, порешили умертвить всех прочих братьев, дабы одним княжить на рязанских просторах. Однако новоявленным каинам было не дано претворить в жизнь свой злодейский замысел, ибо у прочих князей дружины оказались тоже крепки и сумели дать злодеям достойный отпор. Правда, к превеликой печали, к тому времени лютые вороги уже успели порубить и Святослава, и Ростислава, и прочих князей, среди коих оказался и отец Ингваря.

Обо всем этом говорилось в послании князя Глеба Владимировича, чудом уцелевшего в этом побоище. Сообщал тот также, что тело Ингваря Игоревича, равно как и других невинно убиенных князей, будет погребено в белокаменном рязанском соборе Бориса и Глеба, и приглашал всю семью погибшего князя проститься с отцом. Особенно настойчив он был, зазывая к себе молодого Ингваря. А еще просил, ежели только объявится в его краях князь Константин-братоубийца, сумевший бежать от праведного возмездия, немедля закопать оного злодея в железа и с надежными людьми отправить его в стольную Рязань на справедливый княжеский суд.

Непонятым для Ингваря было одно — зачем Константин вообще появится в этих краях, и будет ли он один или же ему удалось удрать из-под Исад вместе с дружиной. Но на всякий случай повелел спешно укреплять городские стены, дабы злодей не смог внезапным штурмом взять Переяславль.

Уезжая на княжеский совет, его отец взял с собой почти всех бояр, оставив для бережения града лишь опытного воеводу Вадима Данилыча по прозвищу Кофа. Из младшей дружины под начало Кофы Ингварь Игоревич выделил половину воев. Оно, конечно, две сотни не так уж много, но и не мало, ибо тут как посмотреть. К тому же молодой князь был уверен, что и ратников Константина тоже потрепали изрядно. Вдобавок не все же бояре ожского князя причастны к злодейству. Стало быть, силы должны быть равны, и ежели только князь-братоубийца объявится под стенами его града, то ему несдобровать.

Но ожидания Ингваря оказались напрасны. Уже через неделю он получил от Глеба новую весточку — пойман Константин и сидит в порубе. Судить же его рязанскому князю хотелось бы не единолично, а со своими сыновцами, коих

осталось немало после невинно убиенных под Исадами князей. Те, что еще пребывают во младенчестве, — ясное дело, в судьбе не годятся, а вот Ингварь и его братья — Давид и Роман — слово свое сказать должны. Поэтому Глеб и не стал самостоятельно учинять расправу, а решил дожидаться всех, но в первую очередь княжат из Переяславля. В заключение же Глеб просил по возможности ускорить приезд, ибо рязанский народ волнуется и, чего доброго, может в одночасье сам порешить Константина-братоубийцу.

Отказаться от такого ответственного дела Ингварю и в голову прийти не могло. К тому же изрядно льстило то, что именovali его не просто князем Переяславля, полностью признав за ним все права на второй по величине после Рязани город в Рязанском княжестве, но и приятно намекали на большее, причем значительно большее. Писал Глеб, что своих сыновей господь ему не послал, и потому есть у него горячее желание взглянуть на будущего рязанского князя, под чью руку со временем несомненно перейдут все земли. Время же это, по всей видимости, не за горами, ибо ныне сам Глеб изнемогает телом от ран, полученных под Исадами, а душой от великой скорби по безвременной кончине двухродных братьев, так что...

За сборами прошло еще три дня. На четвертый, рано поутру, Ингварь с Давидом и Романом, сопровождаемые Вадимом Данилычем Кофой и полусотней дружинников, должны были отправиться на трех лодьях вниз по Оке, но тут прискакал еще один гонец.

На сей раз вести от князя Глеба пришли тревожные. Извещал он своего сыновца о том, что вышла под стены Рязани Константинова дружина, такая же богопротивная, как и возглавляющий ее Ратьша, а с нею вместе пришли и дикие язычники с далекого севера, закованные в железа, которых Константин и наwerbовал именно для Исад. Да с ними вместе разбил стан под рязанскими стенами еще и степной народец во главе с половецким ханом Данилой Кобяковичем. Требуют они вернуть им своего князя, вынудив его из поруба, иначе грозят штурмом стольного града. У него, Глеба, воев довольно, но еще лучше было бы, если бы пришел со своими людишками Ингварь Ингваревич, дабы задать осаждающим такую трепку, чтоб из-под стен Рязани не ушел ни один человек.

Пришлось вновь откладывать отъезд и отряжать во все концы своего удела дружинников для сбора ополчения. Но не прошло и седмицы, как на взмыленном коне в Переяславле появился новый гонец. На сей раз им оказался Константинов боярин Онуфрий, про которого Глеб еще ранее писал, что сей честной муж к злодейским помыслам своего князя никаким боком непричастен.

Поведал боярин, что ожский князь, коему не иначе как подсоблял сам сатана, выбрался-таки из поруба, а воевода Ратъша со своими людьми и вместих с северными язычниками и погаными нехристями из половецкого войска сумели взять Рязань. Ему же, Онуфрию, удалось ускользнуть только чудом, притворившись поначалу мертвым. Вместе с ним бежал и еще один боярин по имени Мосяга, так что если он уйдет от погони, то по приезде в Переяславль непременно подтвердит сказанное.

Ингварь не сразу, но узнал Онуфрия. Тогда зимой, когда Константин приезжал звать его отца на встречу всех князей под Исады, с ним тоже был этот боярин. Молодой князь хотел было задать вопрос о том, как случилось, что один из самых ближних бояр ожского князя ничего не ведал о преступных замыслах своего господина, но не успел. Поначалу это казалось не совсем удобным — боярин только с дороги, а спустя день Онуфрий, не дожидаясь расспросов, сам завел разговор на эту тему, пояснив, что он как раз с зимы впал у князя в немилость. Константин перестал ему доверять, а самому догадаться о жуткой задумке князя Онуфрию и в страшном сне не могло присниться. Для вящей убедительности старый боярин то и дело целовал золотой наперсный крест и горячо божился, что говорит сущую правду.

Опять-таки все тот же Онуфрий рассказал, что безбожный Константин, еще до того как угодить в поруб к князю Глебу, успел учинить новое злодейство, отправив своих воев по рязанским градам, дабы они беспощадно вырезали все потомство братьев, вне зависимости от возраста.

Поначалу ужаснувшийся Ингварь усомнился в словах боярина — слыхано ли такое, — однако вскоре получил подтверждение от купцов, которые рассказывали, будто сами слышали от ратников, прибывших в град Кир-Михаила за его сыновьями, как те громко похвалялись, что они посланы от

князя Константина, а чуть погода такое же сообщили и про-
нские купцы. Правда, по их словам, малолетнего Святослава
никто не давил, как детей Кир-Михаила, а он сам будто бы
угорел в баньке, собираясь к своему стрюю, но догадаться, кто
недосмотрел за княжичем, было несложно. А в дополнение
пришла весточка из Белгорода о маленьком Федоре Юрьевиче,
которого попросту зарезали.

Вот и получалось, что тут либо самому покорно ожидать
смерти, как в старые времена князя Глеб и Борис, либо дать
отпор. Вот только Ингварь был не один, и кому, как не ему,
защищать своих меньших братьев? Да и терновый венец свя-
томученика его, честно говоря, ничуть не прельщал.

Однако оказать пассивное сопротивление означало лишь
отсрочить неминуемую гибель. Во всяком случае, именно так
говорил ему отец, когда обучал играть в шахматы. «Кто напа-
дает, может проиграть, но кто только защищается — проиграл
изначально», — частенько повторял он сыну. Следовательно,
предстояло незамедлительно готовить дружину и собирать
ополчение, чтобы успеть выступить самому, упреждая рязан-
ского каина, благо последний вроде бы не спешил показать
свой волчий оскал, а поначалу прислал послов с просьбой вы-
дать боярина.

Да ведь что удумал — отписал, будто именно Онуфрий был
в числе тех, кто по уговору с Глебом убивал несчастных кня-
зей, а сам Константин, мол, пытался спасти его отца, да не
успел. Ишь какой ловкий — решил с большой головы на здо-
ровую свалить. Вот только люди лгут — иглу в щель не подо-
ткнешь, а этот сбрехал — целое бревно подсунешь. С какого
такого перепоя Онуфрий к чужому князю прислушался бы?!
Да мало того, выходит, он еще и от своего утаил — вовсе уж
несуразица!

Но перечить послам Ингварь не стал, отделавшись отго-
ворками, что боярина в Переяславле нет. Поначалу молодой
князь, памятуя о том, перед ним стоят возможные убийцы его
отца, хотел вовсе отказаться говорить с ними, а вместо того
вытолкать их взашей, да еще остричь им бороды, но опытный
в таких делах Вадим Данилыч уговорил поступить иначе, по-
хитрее. Дескать, с волками жить — по-волчьи выть, а посему,
пока рать не готова, лучше сделать вид, что смирился и всему
поверил. Ну а на нет и суда нет.